

РУССКОЕ ОФИЦЕРСТВО РУБЕЖА XIX-XX ВЕКОВ

Кравчук М.И., Тургимбаев Р. В.

Орский гуманитарно-технологический институт (филиал) ОГУ

Русский офицерский корпус всегда занимает особое даже скорее почётное место в исследованиях и трудах отечественных исследователей. Вместе с тем проблеме взаимоотношений офицерского корпуса с представителями государственной власти уделялось очень мало внимания. Что скорее было связано, прежде всего, с тем, что как таковой, офицер императорской России долгое время не являлся предметом серьёзного изучения, по известным обстоятельствам [1; 4; 7; 8].

Русский офицерский корпус начал активно формироваться в сумбурную эпоху Петра I. Офицерской службе профессионально посвящали себя сотни тысяч молодых людей, проливавших свою кровь и становившихся героями, поставив перед собой одной из многих своих задач превратить Россию в европейское государство, приобщить её к лидирующему мировому сообществу государств, которые считались в то время лидерами в экономической и политической сфере [9].

Российское офицерство во все времена являло собой надёжную опору государства, вооружённый основой хранящая ратные традиции, духовные ценности российского воинства. Каждый русский офицер хорошо знал, «как наши деды воевали давным-давно». Но стоит отметить, что многие славные страницы истории русского офицерства сегодня трактуют с искажениями, слишком упрощённо и стереотипно, по ряду причин. Русское офицерство — не только душа армии, но и стеновой хребет государства. Однако, единое офицерское мировоззрение, образ жизни и действий, надёжная защита Отчизны, военные победы, продолжают чаще всего игнорироваться. Особенно много неоправданно негативных сведений об офицерах относится к периоду правления последних Романовых. [1; 2; 9]

В императорской России офицерство являло собой наиболее престижную профессиональную группу, которая объединяла лучших людей России. Служилое сословие, являлось и является, наиболее образованной частью общества. Показателем этого является то, что до 90 % деятелей российской науки и культуры являлись офицерами и чиновниками или же происходили из этой среды [7; 8], что подтверждает её высокую подготовку.

Офицерство широко представлено было на гражданской службе, и являло собой основу общегосударственного управления. На начало XX века на гражданских должностях состояло несколько тысяч офицеров в отставке. Многие государственные должности, такие как: должности губернаторов, вице-губернаторов, градоначальников, начальников областей и уездов на окраинах страны во множестве своем замещали генералы и штаб-офицеры действительной воинской службы [1; 3; 4].

В дореволюционной и советской историографии действовала точка зрения, что российское офицерство являло собой своего рода закрытую дворянскую касту. Но, в свою очередь, современные исследователи подчёркивают, что офицерство, напротив, по своему происхождению являлось сословным, особенно начиная со второй половины XIX века [2; 8].

Во-первых, приток «посторонних», то есть юношей из всех сословий, начинался уже в кадетских корпусах. Государство в кадетских учебных заведениях брало детей офицеров на полный пансион, доля детей офицеров в них никогда не опускалась ниже 70-80%. Тем самым сохранялась важная черта офицерского корпуса, такая как наследственность. Таким образом, офицерский корпус в значительной степени воспроизводился [7; 8; 10].

Кадеты из семей, не принадлежавших к военной среде, были «своекоштными», то есть содержание, и обучение их оплачивали родители. По различным оценкам, таких неофицерских детей по статистическим данным в корпусах было 50-60 %. Под влиянием среды уже в первом поколении между «посторонними» и «наследственными» членами офицерского корпуса культурные различия нивелировались [7; 8].

Во-вторых, офицеры часто женились на девушках разных сословий, национальностей, из семей разного достатка. Хотя специфическое положение офицерства вносило свои коррективы в выбор спутницы жизни [7; 8].

Внешняя обособленность офицерства от гражданского общества имела свои причины. Поскольку офицеру предписывалось жить в полковой среде, чтобы не терять свойств, привитых в кадетском корпусе, в военном училище. Офицер привязывался к своему полку, то есть чем скромнее была полковая стоянка, тем крепче оказывалась «полковая семья» [7; 8].

Офицерство объединяло по своему существу лучшее, что было в России. Офицерский корпус к 1917 году включал в себя всех образованных, поскольку практически все лица, имевшие образование гимназии, реального училища и им равных учебных заведений и годные по состоянию здоровья производились в офицеры [9; 10; 11].

До Великой российской революции 1917-1922 годов в России считалось, что армия должна являться аполитичной, поэтому офицер и солдат не смели ни принадлежать к какой-либо политической партии, ни тем более принимать участия в партийной деятельности. Подчёркивалось, что офицер не должен симпатизировать каким-бы то ни было политическим идеям [3; 4; 5].

Недостаточная, а местами слабая осведомлённость и ориентированность в области политических течений, идеологий и социальных вопросов сказались уже в дни первой революции 1905 года и перехода страны к представительному государственному строю. И в годы революции большинство офицеров оказались безоружными и беспомощными перед революционной пропагандой [8]. В фондах наследия военной эмиграции значительное место занимают воспоминания и размышления о том, как в 1917 году армия стала разменной картой в руках политиков и политиканов, не сумев противостоять революционному угару масс. Несчастных аполитичных офицеров, которые ещё

вчера являлись героями, а сегодня враги народа уничтожались десятками тысяч без всякого сопротивления с их стороны [4; 5].

Деятельность и жизнь офицерского сообщества регулировалась посредством двух важнейших институтов: офицерского собрания и суда общества офицеров [5; 7; 8].

Правила повседневно-бытовой жизни офицеров ужесточались по мере приближения к столицам и в зависимости от элитарности полка. Например, гвардейские офицеры не имели права ходить в рестораны II и III класса, занимать в театрах, кроме императорских, места далее пятого ряда кресел, носить с покупками по улице пакеты. Офицер был должен вращаться в «обществе», то есть в среде лиц соответствующего общественного уровня. При выполнении светских обязанностей офицер не должен скупиться был на раздачу чаевых. В провинциальных городах тягота данных светских условностей ощущалась, а в больших городах она значительно возрастала, так как в таких городах как Петербург являлась непосильной ношей для нормального офицерского бюджета [7; 8].

С времен Петра I Великого и до революции 1917 года важным средством нравственного воспитания в русской армии являлся суд чести, или суд общества офицеров. Поступки, связанные с нарушением обязанностей службы, воинского чинопочитания или противоречащие долгу службы и присяги, суду общества офицеров не подлежали. В компетенцию суда чести входили дела о драках между офицерами, заёме денег в долг у нижних чинов, об игре с нижними чинами в карты, на бильярде, о приводе в офицерское собрание лиц сомнительного поведения, писании анонимных писем, нечестной игре в карты, об отказе от уплаты карточного долга, о двусмысленном ухаживании за женой товарища по полку, появлении в общественном месте в нетрезвом или неприличном виде, об отказе присоединиться к разделяемым всем обществом офицеров данной части, вполне правильным взглядам на задачи армии, вызвавшем единодушный протест и порицание всех товарищей [4; 7; 8].

Офицерская честь всегда занимала особое место в офицерской этике. Честь являла собой офицерский долг и духовное качество офицера. Честь не даёт офицеру никаких привилегий, это основной закон поведения офицера. Честь русского офицера всегда преобладала над его соображениями: выгода, успех, безопасность или рассудительность [9]. Поэтому русский офицер в душе и сердце всегда был готов рисковать жизнью для того, чтобы не быть обесчещенным и отвечать за свои слова, в отличии офицерского корпуса стран Европы сопоставимой по времени.

Но не все, и не всегда спорные ситуации возможно и можно было решить с помощью суда чести или суда общества офицеров. Важнейшим инструментом поддержания чести и достоинства являлись дуэли. Конечно, отношение к дуэлям официально было отрицательным. Так, например, генерал М. Д. Скобелев считал, что дуэли есть «гримасы» старой армии, связанные с её кастовостью. Но М.Д. Скобелев отдавал должное «Дуэльному кодексу», отмечая его положительную значимость в офицерской среде.

Отказ вызвать противника на дуэль, как и отказ, принять вызов, считался бесчестьем. Извинение со стороны оскорбителя не считалось унижительным, а наоборот, возвышало доброе имя человека в обществе. Дуэли в России официально были узаконены приказом военного ведомства от 20 мая 1894 года № 118. В русское законодательство закон о дуэлях вписывался плохо и вызывал много возражений в печати, даже военной. Все же по причине жестокости и несоответствия нормам цивилизованного общества [7; 8; 9].

Русский офицерский корпус объединяло чувство преданности царю и любовь к Родине [4; 7; 8]. Политическая программа российского офицерства являлась простой и ясной. И если перефразировать выражение Тертуллиана: «Человеческая душа по природе своей христианка», можно сказать, что «офицерская душа в своей сути – монархистка». Примечательно, то, что, когда заболевший офицер подавал установленной формы рапорт: «Заболев сего числа, службу Его Императорского Величества нести, не могу», – он действительно ощущал, что его служба является службой Его Императорскому Величеству. [7; 8] Монархизм офицерства не проявлялся в каких-либо эффектных словах или экзальтированных актах, но он был традиционно составной частью души офицера и основой всей его деятельности [1; 4; 7; 8].

Офицер в России является во всем и во всех отношениях идейной. Настоящий офицер служит не ради меркантильных убеждений, а ради высокой идеи защиты Отечества. При всем том, что прекрасно осознаёт, что кто-то должен жертвовать своим земным благополучием ради того, чтобы остальные чувствовали себя спокойно и уверенно [9].

Описывая политический облик российского офицерства в начале XX века, стоит отметить, что формирование его политических ценностей в этот период в наибольшей степени проходило под влиянием профессиональных стереотипов и интересов. Гарантом незыблемости воинской традиции, содержания и востребованности военной профессии могло выступить только мощное в военно-политическом смысле государство и твердая государственная власть [6; 7]. Тем самым царизм являлся политическим ориентиром военных лишь постольку, поскольку отвечал подобным ожиданиям. В свою очередь, слабая и непоследовательная власть, неспособная к проведению жесткого политического курса и ведению войны в организационном и техническом плане не могла устраивать военных по ряду причин, о которых желательно говорить отдельно [1; 2]. Данное положение фактически закладывало важнейший потенциальный пункт для политической оппозиционности офицерства [5; 6; 7].

Политическим идеалом офицерства скорее являлась не монархия как таковая, а олицетворяемая монархией сильная власть, которая готовая обеспечить обороноспособность страны, устойчивый внутренний порядок, уверенный внешнеполитический курс и, что непременно, высокий социальный статус офицерского корпуса на общегосударственном уровне и офицера в частности на уровне общественного восприятия [3; 4]

Утрата монархии вышеназванных черт и свойств, и уже, как следствие, общественного авторитета, естественно, отразилась на состоянии офицерства,

так как политическая пассивность не могла являться гарантией от постепенного дрейфа настроений, в которых граница между пассивной лояльностью и пассивной оппозицией представляется весьма условной [5; 7].

Поскольку офицерство, относясь к более образованной части общества, воспринимало определенные взгляды и ценности, свойственные интеллигенции. Особая даже где-то специфическая этика, которая была характерна для офицерского сообщества, тоже своеобразно сказывалась на политическом поведении его членов. Важными принципами офицерского сообщества являлись: недоносительство, корпоративная солидарность, соответствующее самосознание и мировоззрение, которые ставили офицеров в двусмысленное положение в отношении охранительной деятельности государства. Тем самым не могли его обойти и критические настроения в отношении современного состояния государства, общества и, конечно, армии на тот момент, что в конечном итоге привело к разложению армии, многочисленным дезертирству. Конечно же, утрата верности царю со стороны офицерского корпуса и привела к его отречению, но и слабость высшего государственного деятеля была вызвана, скорее утратой оптимизма на сложившуюся политическую и социальную ситуацию в государстве, что привело к социальным волнениям приведших к революции. В подтверждении сказанного следует отметить, что современники- мемуаристы, которые характеризуют офицерский корпус как в массе своей лояльный к властям и верноподданный, единодушны также и в том, что отдельные случаи участия офицеров в революционных группах и кружках имели место [6]. Акцент при этом делается на их единичность, однако и для всего российского общества членство в революционных партий и организаций вплоть до 1917 г. не являлось массовым, хотя поддержка и симпатии росли с течением времени [6; 7].

Список литературы:

1. *Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983. С. 156.*
2. *Верховский А.И. На трудном перевале. М., 1959. С. 118.*
3. *Данилов Ю.Н. На пути к крушению // Военно-исторический журнал, 1991. №10. С. 84.*
4. *Там же. С. 156*
5. *Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 3. С. 128.*
6. *Деникин А. И. Солдатский быт // Разведчик. 1903. № 661. С. 562-563.*
7. *Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетия (1881-1903 гг.). М., 1973. С. 50.*
8. *Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 4. С. 267.*
9. *За Царя, за Родину, за Веру. Герои и войны российской армии (1695-1918) – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 2000. – 304 с.*
10. *Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993, С .223, 273*
11. *Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты... С 25-26*